

К 100-летию со дня рождения американского писателя-интернационалиста

ИВАНОВСКИЕ ДРУЗЬЯ АЛБЕРТА РИСА ВИЛЬЯМСА



ДВА СВИДАНИЯ С ПАЛЕХОМ

Весной 1917 года Алберт Рис Вильямс отправился из «благоприятной» Америки в бурлящую Россию. Рядовой корреспондент частной газеты «Нью-Йорк иннинг пост», конечно, не мог и представить, как эта поездка отразится на нем самом. Нет, он не был законченным янки. Выросший в шахтерской семье, не чужавшийся идей социальной справедливости, он собирался подробно информировать своих читателей, что же происходит в далекой и загадочной стране, где считавшееся забытым царское самодержавие вдруг рухнуло, оказалось свергнутым.

«Официально я приехал как журналист, — говорил тогда Вильямс, — но подлинная причина — революция... Она, как магнит, притягивала меня сюда...»

Человек смелый и любознательный, он охотился в гущу революционных событий. Был на рабочих митингах, в фронте и Балтийском флоте, в деревнях. Пытливо и непредвзято всматривался, вслушивался, стараясь понять суть происходящего. На правах иностранного корреспондента встречался с лидерами партий, с «временными» министрами разных толков. Каждый из них, разумеется, дул в свою дуду, восхвалял собственную политическую линию. Но Вильямс чувствовал: это не настоящие представители народных масс. «Минутливо меня тянуло, — писал он, — к правителям будущего, людям, избранным в Советы прямо из окопов, с заводов и из деревень».

Вильямсу довелось быть на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в июне 1917 года. Он не только присутствовал на его заседаниях, но и выступил с приветствием от социалистов Америки.

В Советах тогда еще руководили соглашатели — меньшевики, эсеры. Но их разглагольствования о «революционной демократии», призывы к поддержке Временного правительства наталкивались на массовые демонстрации рабочих и

солдат против продолжавшейся войны, за переход всей власти к Советам. И на съезде такое противостояние вышло очень наглядно. Когда лидер меньшевиков демагогически заявил, что в России нет политической партии, которая взяла бы власть на себя, в ответ раздался из зала голос Ленина: «Есть!». Выступая с трибуны, Владимир Ильич четко и ясно сказал: партия большевиков каждую минуту готова взять власть целиком.

Об этом знаменитом эпизоде Вильямс рассказывал приехавшему в Петроград в августе Джону Риду. Причем шуточно заметил: 15-минутного выступления Ленина было достаточно, чтобы на 24 часа уложить Керенского в постель.

— Так, по крайней мере, говорил мой друг Михаил Петрович Янышев, ссылаясь на «устный телеграф», — добавил он.

Ленинское «Есть!» стало переломным моментом в ходе революции. В сознании и сердце Алберта Риса Вильямса, судя по всему, тоже. Если в первые дни он «еще не мог как следует разобраться во всех тонкостях различий между партиями», то теперь его симпатии явно отдавались большевикам. Произошло это благодаря общению с новыми русскими друзьями, среди которых Вильямс по праву называл М. П. Янышева — члена большевист-

ской партии с 1902 года, нашего земляка-ивановца.

С Михаилом Петровичем он познакомился на пароходе. Девять лет находившись в эмиграции, объездивший полсвета, Янышев возвращался домой. Сблизившись за время длительного океанского рейса, они не порывали связей в течение тех четырнадцати месяцев, которые Вильямс первый раз провёл в революционной России.

«Я сопровождал Янышева во время многих его агитационных поездок по городам и селам России. Мы встречались с представителями различных слоев, начиная с искусных мастеровых ткацкого дела в Иваново-Вознесенске», — писал Вильямс в книге «Сквозь русскую революцию». О посещении нашего города, встречах с ивановскими текстильщиками подробностей он, к сожалению, не оставил. А вот поездку в сельскую глубинку, в родные Янышеву места отвел целую главу.

Упомянутые в книге названия деревни и имена ее жителей нуждались в уточнении. Дело в том, что тогдашние свои записи Вильямс сберечь не смог — они были отобраны военноморскими властями Сан-Франциско при его возвращении в США в 1918 году. Писать пришлось по памяти, а все в точности, да еще иностранцу, запомнить было невозможно.

Установлению подлинных сведений помог журналистский поиск. Поскольку Янышев родом из деревни Жаворонково близ Гаврилова Посада, в этом районе и отыскалось в конце концов селение, где гостил Алберт Рис Вильямс. Он назы-

вал «Спаское», а на самом деле это Спас-Сербилово. Личная поездка в те места позволила выяснить, когда именно бывал там американский писатель, у кого останавливался.

В Гавриловом Посаде меня познакомили с Федором Ивановичем Ершовым, уроженцем Сербилово (устаревший «Спас» давно отброшен). В юности он дружил с Янышевым. В январе 1906 года их вместе забрали в солдаты. Службу проходили в соседних полках: Ершов — в 23-м Нижегородском, Янышев — в 24-м Симбирском, входивших в 6-ю пехотную дивизию. Летом 1917-го военный фельдшер Ершов оказался на побывке в родном селе и застал там Янышева и Вильямса.

Когда это было? Вильямс писал: «Приехал как раз в престольный праздник Преображение». Федор Иванович подтвердил: да, такой праздник сербиловцы считали «своим», отмечали его 6 августа по старому стилю. И пробыли там гости, пожалуй, побольше недели.

У кого они останавливались? Ершову известно и это — у Агеевых. Хозяина звали Иваном Никитичем (в книге Иван Иванов), жену его — Татьяной Осиповной. Агеевы приходились Янышеву родственниками.

Вдвоем с Федором Ивановичем мы отправлялись в недалекие Сербилово. Он по-свойски

постучал в окно дома Агеевых. Вышли две женщины: одна совсем старенькая, другая в годах. Это были Евдокия Ивановна Агеева, по мужу Жильцова, и ее дочь Вера Игнатьевна (в книге Авдотья и Ольга). Присев на скамеечку у ворот, завели неторопливую беседу.

Евдокия Ивановна, конечно же, помнит приезд М. П. Янышева и американца, которого на русский манер называли по имени-отчеству — Альбертом Давидовичем. Ей самой было в ту пору 27 лет. Вспоминает: погладить на гостей из-за моря-океана завялались и их избе чуть ли не все село. Сербиловская ребятня и девятилетняя Вера тоже смотрели на американца как на чудо: у него были золотые зубы. Однажды пошли косить овес. Альберт Давидович с непривычки горбился над носом. Отец пошутил: «Как верблюд», и все рассмеялись. А на той вон полянке далеко за полнотью не расходились крестьяне, при фанелах слушали горячую речь Янышева, стоявшего на телеге.

О гостеприимном хозяине Вильямс писал: «Иван Иванов отличался прямой осанкой и крепким телосложением. У него была длинная борода и ясные глаза... Меня поразило сознание собственного достоинства, с которым он держался. Чувствовалось, что оно было у него врожденным, самобытным, пустившим корни так же глубоко, как дерево уходит своими корнями в землю».

— Дедушка и впрямь был старик крепкий. Дожил до 76 лет и редко жаловался на хво-

ри, — рассказывала Вера Игнатьевна, показывая фотокарточку Ивана Никитича.

О Татьяне Осиповне, хлопотливой хозяйке, наши собеседницы говорили с грустью: женщина болезненная, она скончалась в 1918 году, не прожив и пятидесяти.

Спустя несколько лет, в середине 20-х, Алберт Рис Вильямс еще раз приезжал в Сербилово. Останавливался опять у Агеевых, жил недели две. Сожалел, что не застал Татьяну Осиповну. Вспоминали Михаила Янышева — он погиб на фронте в бою с врагелевцами, похоронен в Москве у Кремлевской стены. Гость много возился с сельскими ребятами, фотографировал их и местные пейзажи. Рассказал о своей жене Люсите.

Пробывание на ивановской земле оставило у Алберта Риса Вильямса добрые, сердечные чувства. И мы можем гордиться тем, что среди верных друзей американского писателя-интернационалиста были наши земляки.

М. ЖОХОВ.

Значительное место в творческой биографии Алберта Риса Вильямса занимает Палех.

Дважды посещал прогрессивный американский журналист и писатель это тогда небольшое среднерусское село, средоточие глубинного народного художественного таланта, родину замечательного самобытного искусства лаковой миниатюры, которое великий Горький назвал одним из маленьких чудес, созданных Революцией. И оба раза увозил с собой интереснейшие, неизгладимые впечатления. Они нашли довольно широкое и непосредственное отражение в его произведениях.

«Пять лет был я в России, — писал Алберт Рис Вильямс после первого свидания с «село-академией» летом 1927 года, — но эта неделя в Палехе была самой прекрасной из всех. Я был очевидцем всей

мощи, всего того, что революция прорудила в русском народе. Я подружился с крижистыми мужичками, которые крепко слиты с окружающей обстановкой и с большой радостью работают для того, чтобы дать России и миру новую культуру».

Второй приезд в Палех совпал по времени с начальной порой коллективизации сельского хозяйства. Многих мастеров лаковой миниатюры влекла эта новая, небывалая дотоле тема. И вот что писал в автобиографических записках один из основателей палехской Артели древней живописи Иван Михайлович Банахов:

«При посещении Палеха американцем Албертом Рисом Вильямсом я писал картину «От единоличного к коллективному хозяйству». Вильямс часто подходил ко мне, смотрел. Когда я кончил, он сказал мне: — Настоящий пропагандист...»

И попросил точно такую же вещь написать ему: — Я увезу ее в Америку.

Вильямс жил у нас и даже одил с нами на воскресник косить. Когда возвращались домой, он торжественно нес косу и пел с нами песни».

Об этом воскреснике написал и сам Вильямс в очерке «Красногвардейцы и красные косцы», опубликованном в журнале «Красная нива» (№ 14, 1931 год). Найсладше вдохновенно и вместе с тем обстоятельно, с непоколебимой убежденностью в великой жизненной силе социализма.

«... Как раз в то время, когда на полях все созрело и обещало богатый урожай, подул холодный ветер, полил дождь, грозя прибить к земле и хлеба, и травы. Дождь шел непрерывно, день за днем. Настоящий потоп. Внезапно ливень прекратился. Но можно ли сказать, что он не начнется завтра же снова? Теперь всякое промедление было бы опасно, катастрофично, пресупно.

Подобно военному сигналу, по деревне пронесся крик: «Урожай в опасности. Все силы на спасение его».

Этот крик был услышан и в Артели древней живописи, которой славится Палех. Мастера отложили свои кисти и взяли в руки косы. Изогнутые стальные лезвия сверкали над их голо-

вами. Мастера были похожи на фалангу древних воинов, отправляющихся в бой. Во главе их выступал как вождь и командир старик Банахов. Ивану Михайловичу 65 лет. Мускулистый, с острым взглядом, прекрасный художник, накладывающий краски так искусно, что они блестят и переливаются, как перламутр. И в то же время он — подлинный крестьянин, хорошо знающий и любящий полевые работы...

Иван Михайлович шел впереди косцов, взмахивая косой с той же быстротой и точностью, с какой он работал в своей мастерской кистью. Один за другим, на расстоянии нескольких шагов, за ним шли мастера, и зеленые стебли травы покорно падали под ударами непрерывно взлетающих стальных кос. Двадцать косцов строго ритмично, точно машины, пересекали поле наискосок.

Шаг косцов все ускорялся, мускулы напрягались, пот струился по лицам. Капли пота втекали даже на рукава Банахова... Но в нем жил дух тех красных воинов с длинными пиками, которых он любит изображать, и он упрямо, с мрачным спокойствием шел вперед. И вслед за ним двигались все двадцать мастеров.

И так же упрямо работали 24 техника на соседнем поле...

Мастеров и учеников Палеха наполняло радостное ощущение успешно выполненной совместной работы. Оно объединило их в одну общую товарищескую группу. А затем, возвращаясь домой с косами, высоко поднятыми над головами, они соединили свои голоса и запели старинные песни, веселые и грустные. А кончили песнями революционными и красноармейскими. Русские мелодии под широким русским небом, когда их поют звонкие русские голоса и они разносятся по полям и лесам, всегда производят на меня сильное впечатление. Но в исполнении этих людей в эту ночь песни вызвали во мне особенно сильное волнение — они были соединены с актом огромного революционного значения. Процесс, начатый в октябре 1917 года, продолжался здесь, на полях Палеха. Косы в руках этих палехских артельщиков — художников были таким же революционным оружием, как и винтовки в руках петроградских рабочих в октябре 1917 года. Это возвращение косцов в деревню при вечернем свете, в лучах которого сверкали их стальные косы, было так же драматично, как вступление Красной гвардии в ноябре 1917 года во двор телефонной станции, с пылающими факелами, при свете которых сверкали штыки революционных солдат. Это были воины одного участка борьбы, идущей по всему Советскому Союзу, борьбы за коллективизацию, за окончательную победу над бедностью, голодом, анархией, раздорами, междоусобицами (не только здесь, но и во всем мире) — борьбы за коммунизм».

(Следует пояснить, что Вильямс был очевидцем взятия Красной гвардией 10 ноября 1917 года петроградской телефонной станции, вероломно захваченной юнкерами, и описал эту схватку в том же очерке).

Публикация
А. ВИХРЕВА.